

ЭРИК ХОБСБАУМ

Эпоха крайностей

ERIC HOBSBAWM

Age of Extremes

The Short Twentieth Century
1914–1991

ЭРИК ХОБСБАУМ
Эпоха крайностей

Короткий двадцатый век
(1914–1991)

Перевод с английского

Ольги Лифановой и Александры Никольской

издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(100)“1914/91”
ББК 63,3(0)6
Х68

This edition is published by arrangement with DAVID HIGHAM ASSOCIATES LTD
and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Хобсбаум, Эрик.

Х68 Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991) / ЭРИК ХОБСБАУМ; пер. с англ. О. ЛИФАНОВОЙ и А. НИКОЛЬСКОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2020. — 688 с.

ISBN 978-5-17-090322-1

“Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)” — одна из главных работ известного британского историка-марксиста Эрика Хобсбаума. Вместе с трилогией о “длинном девятнадцатом веке” она по праву считается вершиной мировой историографии.

Хобсбаум делит короткий двадцатый век на три основных этапа. “Эпоха катастроф” начинается Первой мировой войной и заканчивается вместе со Второй; за ней следует “золотой век” прогресса, деколонизации и роста благополучия во всем мире; третий этап, кризисный для обоих полюсов послевоенного мира, завершается его полным распадом. Глубокая эрудиция и уникальный культурный опыт позволяют Хобсбауму оперировать примерами из самых разных областей исторического знания: истории науки и искусства, экономики и революционных движений. Ровесник века, космополит и коммунист, которому тяжело далось прощание с советским мифом, Хобсбаум уделяет одинаковое внимание Европе и обеим Америкам, Африке и Азии.

Ему присущ дар говорить с читателем на равных, просвещая без снисходительности и прививая способность систематически мыслить. Трезвый анализ процессов конца второго тысячелетия обретает новый смысл в начале третьего: будущее, которое проступает на страницах книги, сегодня стало реальностью. “Эпоха крайностей”, увлекательная и поразительно современная книга, — незаменимый инструмент для его осмысления.

УДК 94(100)“1914/91”
ББК 63,3(0)6

ISBN 978-5-17-090322-1

- © Bruce Hunter and Christopher Wrigley, 1994
- © О. Лифанова, перевод на русский язык (главы 1–13), 2004, 2020
- © А. Никольская, перевод на русский язык (главы 14–19), 2004, 2020
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020
- © ООО “Издательство АСТ”, 2020
- Издательство CORPUS ®

ЭРИК ХОБСБАУМ
Эпоха крайностей

Содержание

<i>Предисловие</i>	8
Двадцатый век: взгляд с высоты птичьего полета	15

Часть первая Эпоха катастроф

Глава первая. Эпоха тотальной войны	34
Глава вторая. Мировая революция	70
Глава третья. Погружение в экономическую пропасть	104
Глава четвертая. Падение либерализма	130
Глава пятая. Против общего врага	168
Глава шестая. Искусство 1914–1945 годов	206
Глава седьмая. Конец империй	230

Часть вторая Золотая эпоха

Глава восьмая. “Холодная война”	258
Глава девятая. Золотые годы	294
Глава десятая. Социальная революция 1945–1990 годов	328

Глава одиннадцатая. Культурная революция	364
Глава двенадцатая. Третий мир	390
Глава тринадцатая. “Реальный социализм”	422

Часть третья Обвал

Глава четырнадцатая. “Десятилетия кризиса”	456
Глава пятнадцатая. Третий мир и революция	488
Глава шестнадцатая. Крах социализма	518
Глава семнадцатая. Конец авангарда — искусство после 1950 года	558
Глава восемнадцатая. Чародеи и их ученики: естественные науки во второй половине двадцатого века	582
Глава девятнадцатая. На пути к третьему тысячелетию	620
<i>Библиография</i>	651
<i>Дополнительная литература</i>	673
<i>Список иллюстраций</i>	677
<i>Именной указатель</i>	679

Предисловие

Историю двадцатого века нельзя писать так же, как историю какой-либо другой эпохи, хотя бы только потому, что невозможно говорить о том времени, в котором живешь, как о периоде, знакомом лишь со стороны, из вторых рук, по результатам позднейших исторических исследований. Моя собственная жизнь по времени совпала с большей частью эпохи, о которой говорится в этой книге, и почти всю ее, начиная с подросткового возраста и по сей день, я интересовался жизнью общества, т. е. впитывал в себя все взгляды и предрассудки эпохи как современник, а не как ученый. Это является одной из причин, почему, будучи историком, большую часть своей жизни я избегал работать над периодом времени после 1914 года, хотя в некоторых работах и писал о нем. Моя специализация — девятнадцатый век. Я считаю, что сейчас уже возможно взглянуть на “короткий двадцатый век”, длившийся с 1914 года до конца советской эпохи, в определенной исторической перспективе, однако перехожу к этому вопросу без знания научной литературы, за исключением лишь небольшого числа архивных источников, собранных историками двадцатого века, коих наблюдается огромное количество.

Вне всякого сомнения, один человек не может знать всю историографию двадцатого века, даже историографию на каком-либо одном из основных языков, в отличие от специалиста по классической античности или истории Византийской империи, который знает не только всю литературу, написанную в эти периоды, но также и более позднюю литературу о них. Мои познания в этой области в сравнении с нормами исторической эрудиции неглубоки и разрозненны. Самое большее, что я был в состоянии сделать, — это бегло просмотреть литературу по наиболее сложным и спорным вопросам, например по истории “холодной войны” или по истории 1930-х годов, чтобы убедиться, что взгляды, выраженные в этой книге, не противоречат логике исследований. Хотя, вероятно, имеется ряд спорных точек зрения, а также вопросов, в которых я показал свое невежество.

Эта книга опирается на очень неоднородный фундамент. Помимо обширного, но несистематизированного чтения в течение довольно продолжительного периода, дополненного тем, что, как правило, становится неизбежным результатом всякого чтения — а именно курсами лекций по истории двадцатого века для выпускников Новой школы социальных исследований, — я опирался на собственный опыт, а также на воспоминания и суждения людей из разных стран, проживших этот “короткий двадцатый век”, тех, кого социальные антропологи называют “участвующий наблюдатель”, или попросту внимательных путешественников, кибитцеров, как сказали бы мои предки. Историческое значение такого опыта не зависит от участия

в важных событиях или знакомства со знаменитыми историческими или политическими фигурами. В сущности, мой собственный опыт, когда я время от времени в качестве журналиста исследовал ту или иную страну, главным образом в Латинской Америке, говорит о том, что интервью с президентами и другими влиятельными фигурами, как правило, ничего не дают, поскольку по большей части произносятся на публику. Пролить свет на истинное положение вещей могут лишь те, кто хочет и может говорить свободно, и они обычно не несут бремени ответственности за важные события. Тем не менее даже отрывочные, а иногда и сбивающие с толку, знания о людях и странах помогли мне необычайно. Иногда это был взгляд на один и тот же город с интервалом в тридцать лет (например, на Валенсию или Палермо), дававший представление о темпах и масштабах социальных изменений в третьей четверти двадцатого века. Иногда — просто воспоминание о чем-то, некогда услышанном в разговоре и по неясным причинам оставшемся в памяти на будущее. Чтобы понять что-то о двадцатом веке, историку нужно чуткое ухо и пристальный взгляд. Надеюсь, мне удалось донести до читателей кое-что из того, что я узнал, благодаря именно этим качествам.

Кроме того, настоящая книга опирается на информацию, полученную от коллег, студентов и всех тех, кому я досаждал во время работы над ней. В некоторых случаях это происходило систематически. Глава, посвященная науке, была дана мною на рассмотрение моему другу Алану Маккею, члену Королевского общества, не только специалисту в области кристаллографии, но и энциклопедисту, и моему другу Джону Мэддоксу. Кое-что из того, что я писал об экономическом развитии, было взято из лекций моего коллеги по Новой школе Лэнса Тейлора. Но гораздо больше я почерпнул из газет, дискуссий и конференций по различным макроэкономическим проблемам во Всемирном институте развития экономических исследований университета ООН в Хельсинки, когда он был преобразован в главный международный центр исследований и дискуссий под руководством доктора Лала Джейавардена. В целом те летние месяцы, которые я смог провести в этом удивительном учреждении в качестве приглашенного специалиста у Макдоннелла Дугласа, оказались бесценны, не в последнюю очередь благодаря его интересу к СССР, с жизнью в котором он близко познакомился в последние годы его существования. Я многое почерпнул из конференций и коллоквиумов, где академики встречаются со своими коллегами главным образом для того, чтобы обогатиться чужими мыслями. У меня нет возможности выразить свою признательность всем коллегам, которые официально и неофициально помогли мне дополнениями и замечаниями, а также благодарность за информацию, полученную от международной группы студентов, которых я имел счастье обучать в Новой школе. Должен особо отметить, что све-

дения о турецкой революции, а также о природе миграции в страны третьего мира и социальной мобильности почерпнуты мною из курсовых работ Фердана Эргута и Алекса Джалка. Я признателен также моей ученице Маргарите Гизеке за сведения об Американском народно-революционном альянсе и восстании в Трухильо, почерпнутые из ее докторской диссертации.

По мере того как историк двадцатого века приближается к сегодняшнему времени, он становится все более зависимым от источников двух типов: периодической прессы и экономических и иных обзоров, статистических отчетов и других публикаций национальных правительств и международных учреждений. Безусловно, я многим обязан таким газетам, как лондонские *Guardian* и *Financial Times*, а также *The New York Times*. Моя признательность за бесценные публикации ООН, ее различным агентствам и Всемирному банку отражена в библиографии. Не забыта и их предшественница, Лига Наций. Несмотря на почти полное поражение, которое она потерпела в своей практической деятельности, ее замечательные экономические исследования и анализы, суммированные в новаторской работе 1945 года “Индустриализация и мировая торговля” (*Industrialisation and Foreign Trade*), заслуживают благодарности потомков. Ни одна история экономических, социальных и культурных преобразований, произошедших в двадцатом веке, не может быть написана без этих источников.

Большую часть того, что содержится в этой работе, за исключением очевидных личных суждений автора, читателю придется принять на веру. Нет смысла перегружать подобную книгу обширным аппаратом ссылок и других свидетельств эрудиции. Я старался ограничиться в своих ссылках цитатами из первоисточников, статистикой и другими количественными данными (в разных источниках иногда приводятся различные цифры), а иногда приводил подтверждения высказываний, которые могут показаться читателю неожиданными и непонятными, или обоснования противоречивой точки зрения автора. Эти ссылки в тексте заключены в скобки. Полное название источника можно найти в конце книги. Библиография является лишь полным списком всех источников, цитируемых в книге и тех, на которые дается ссылка в тексте. Это отнюдь не систематический путеводитель для дальнейшего чтения.

Тем не менее необходимо указать некоторые работы, на которые я опирался довольно часто, и те, которые помогли мне в наибольшей степени. Я не хочу, чтобы их авторы почувствовали себя недооцененными. В основном я обязан работам двух своих друзей — историка экономики и неутомимого собирателя статистических данных П. Байроха и И. Беренда, бывшего президента Венгерской академии наук, которому я обязан концепцией “короткого двадцатого века”. В области политической истории мира со вре-

мен Второй мировой войны моим надежным и вьедливым (чему не приходится удивляться) гидом был П. Калвокоресси. В работе над периодом Второй мировой войны я многое почерпнул из великолепной книги Алана Милворда “Война, экономика и общество 1939–1945”; в описании послевоенной экономики мне очень помогла работа “Процветание и упадок: мировая экономика 1945–1980 годов” Ван дер Вее, а также “Капитализм после 1945 года” Филипа Армстронга, Эндрю Глина и Джона Харрисона. “Холодная война” Мартина Уокера заслуживает гораздо более высокой оценки, чем та, которую дало ей большинство равнодушных критиков. Моей работе по истории послевоенных левых движений очень помог доктор Дональд Сассун, работающий в Университете королевы Марии и Вестфилдском колледже Лондонского университета, любезно разрешивший мне прочесть его на тот момент не законченное обширное и глубокое исследование по этому предмету. В написании раздела об СССР я особенно обязан работам Моше Левина, Алека Ноу, Р.В. Дэвиса и Шейлы Фицпатрик; о Китае — работам Бенджамина Шварца и Стюарта Шрама, об исламском мире — Айре Лапидусу и Никки Кедди. Мои взгляды на искусство во многом обогатили Фрэнсис Гаскелл и работы Джона Виллетта по веймарской культуре (а также беседы с ним). Работая над шестой главой, я многое почерпнул из книги “Дягилев” Линн Гарафола.

Приношу свою особую благодарность всем тем, кто помог мне в подготовке этой книги. Во-первых, это мои сотрудники Джоанна Бедфорд в Лондоне и Лиз Гранде в Нью-Йорке. Особая благодарность талантливой госпоже Гранде, без которой я не смог бы, вероятно, заполнить огромные пробелы в своих знаниях и проверить полузабытые факты и ссылки. Многим я обязан Рут Сайерс, печатавшей мои наброски, и Марлен Хобсбаум, читавшей эти главы не с точки зрения профессионала, а как обычный читатель, интересующийся современным миром, которому и адресована эта книга.

Я уже говорил о своей благодарности студентам Новой школы, посещавшим мои лекции, в которых я старался сформулировать свои идеи и интерпретации. Им и посвящается эта книга.

ЭРИК ХОБСБАУМ
Лондон — Нью-Йорк, 1993–1994

Двадцатый век:
ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Двенадцать мнений о двадцатом веке

ИСАЙЯ БЕРЛИН (философ, Великобритания): *“Должен сказать, что лично я большую часть двадцатого века прожил, не испытав серьезных лишений. Все же я считаю его самым ужасным столетием в западной истории”*.

ХУЛИО КАРО БАРОХА (антрополог, Испания): *“Существует явное противоречие между жизненным опытом одного человека — детством, юностью и старостью, которые прошли спокойно и без особых приключений, и событиями двадцатого века [...] страшными событиями, которые пережило человечество”*.

ПРИМО ЛЕВИ (писатель, Италия): *“Мы, прошедшие лагеря смерти, не можем быть беспристрастными свидетелями. К этой неутешительной точке зрения я постепенно пришел, перечитав то, что пишут люди, выжившие в лагерях, включая меня самого. Мы являемся не только очень небольшой, но и аномальной группой людей, которым благодаря везению, ловкости или лжи никогда не пришлось достигнуть самого дна. Те, кому не повезло и кто увидел лицо Горгоны, не вернулись обратно или молчат”*.

РЕНЕ ДЮМОН (агроном, эколог, Франция): *“Мне он видится только как век массового уничтожения и войн”*.

РИТА ЛЕВИ-МОНТАЛЬЧИНИ (лауреат Нобелевской премии, ученый, Италия): *“Несмотря ни на что, в этом веке произошли революционные изменения к лучшему [...] например, расцвет прессы и возрастание роли женщины после многовекового угнетения”*.

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ (лауреат Нобелевской премии, писатель, Великобритания): *“Не могу отделаться от мысли, что это был самый жестокий век в истории человечества”*.

ЭРНСТ ГОМБРИХ (историк искусств, Великобритания): *“Главная отличительная черта двадцатого века — необычайный рост населения земного шара. Это бедствие, катастрофа. Мы не знаем, что с этим делать”*.

ИЕГУДИ МЕНУХИН (музыкант, Великобритания): *“Если бы мне пришлось подводить итог двадцатого века, я бы сказал, что он породил величайшие мечты, когда-либо посещавшие человечество, и разрушил все иллюзии и идеалы”*.